

Новая газ-2002 - 25 сент - с. 28-29

В разгар войны Грузии с Абхазией в Тбилиси проходило странное и несвоевременное мероприятие: кинофестиваль «Золотой орел». Конечно, я туда полетела. Казалось важным услышать в этой дикой войне голос любимого грузинского кино. Оружие было у всех. Задолго до балабановской «Войны» там усвоили, что «стрелять» и «снимать» — одно слово.

Спустя десять лет я встретила с Ираклием Квирикадзе, который давно уехал из Грузии, как уехали в эти годы многие. Он живет совсем в другом мире. И география тут не важна. И операция на сердце, которую перенес этот на диво веселый и крепкий человек, совершающий вроде своего героя сорокаминутные заплывы в ледяном море, — не самая важная причина его отъезда. Ираклий Квирикадзе — художник. Один из немногих абсолютных художников, которых я знаю. И потому веет, примерно как дух, где хочет. И нет у меня ни права, ни, честно говоря, желания попытаться у него — отчего да почему он не здесь, а там. И уж тем более звонить ему в Лос-Анджелес и вытягивать нелепый постскриптум о текущем моменте. Мир, который Ираклий несет в себе, намного интереснее тех событий, которые происходят сейчас в Грузии. И тайны, которыми он владеет, гораздо занятнее государственных секретов всех полишинелей — как в шинелях, так и в штатском

— Вы заканчивали режиссерский факультет. При этом сценариев у вас раз в десять больше, чем собственных фильмов. Монтируете вы тоже сами, и не только свое кино. Денис Евстигнеев, который учился у вас монтажу на собственной «Лимите», сказал, что в кино нет профессии, которой вы не владели бы, причем блестяще. Кто же вы все-таки, Ираклий Квирикадзе?

— Вообще я монтажер. Маньяк, наркоман монтажа. Я всегда обходился без монтажниц. Был такой замечательный господин Иосиф Давидович Гордон. Изумительный человек, монтажер Рене Клера. В 50-х приехал в Россию, и тут же его ухлопали в Сибирь. Но потом вышел, и я у него учился во ВГИКе. Помню его в бабочке... Гордон впервые в жизни меня в кино похвалил. Мы брали старые ленты, чужие фильмы, и он позволял нам резать и по-своему клеить. И ему страшно понравилась

жера и платят за эту работу неплохие деньги.

— На Западе это престижная профессия?

— Очень. Это называется «доктор монтажа». Зависла картина — зовут доктора. Было дело: проблема с одной российской картиной, собирались смыть. Пришлось поработать. Известная картина, стала рекордсменом кассы.

— Какая?

— Так я и сказал.

— Не Михалкова?

— Не надейся. Хотя с Михалковым я тоже работал. Он смотрел подпольного «Пловца», стал его поклонником, мы сдружились на этой почве. И Никита позвал меня на «Грибоедова». Год мы писали этот сценарий втроем с Адабашьяном. Годом до 40 миллионов, в 85-м году это были астрономические деньги, мегафильм. Я обожаю этот сценарий, очень жалко, что Никита его так и не снял.

— Вы не хотите к нему вернуться?

Германия, Франция, США и Швейцария. Получилось, и правда, хорошо, но с меня пока хватит. Скучно.

— Англичане приглашают вас на большой русский проект. Немцы заказывают дику экзотику, которую тоже считают русской, — «Лунного папу». Европейцы по-прежнему видят в вас «русского»?

— Да нет, заказы сейчас посыпались обильно со всего мира, причем на материале страны-заказчика. И тут начинается самое интересное. Когда я смотрел «Амаркорд», мне казалось, что все происходит в моем родном Кутаиси. В мире все очень похоже. Вот у меня лежит швейцарский сценарий. Я никогда не был в Швейцарии, ничего не знаю об этом мире. Продюсер сказал мне: у меня есть затаенная мечта. И показал мне газетную вырезку. В 30-х годах по провинциальной Швейцарии путешествовал африканский цирк. Полудирк-полудзоопарк.

Для швейцарских обывателей черные люди были в диковинку, даже в 30-х годах. На окраине городка возникал африканский мир. Бегали голые женщины, ставились тростниковые хижины, звери в клетках, и все это под такой хороший, кайфный там-там. И мальчик из швейцарской состоятельной семьи полюбил африканскую девочку. И ушел из дома. А рядом — фашизм,

подходил, смотрел на фотографию, потом на бабушку, поднимал руку и громко говорил: «Дедушка! Это же ты!» И дедушка скромно соглашался. И рассказывал свою былинку.

И вот теперь — Базель, 30-е годы, африканский цирк. И я придумал. Как в этом Базеле из зоопарка сбежал тигр. Он же мог ходить по улицам Базеля, как ходил по улицам Тбилиси. И все задвигалось. Я знаю, что в Африке нет тигров. Но что стоило поменять его на льва? С этим львом мне стало легко писать знаменитую семью моего героя, мальчика. Я легко окунулся в этот мир, где все говорят про льва, который терроризирует этот Базель. Я до того обнаглел, что приплел сюда свою любимую оперу, о которой у меня есть два миллиона историй.

Кто мог петь в Базеле в 30-х годах? Карузо умер, Марио Ланца еще мальчик. Беньямино Джильи! Самое смешное — потом выяснилось, что он в самом деле был в Базеле. И вот все поехали на концерт, Джильи поет, и тут на сцену выплывает лев. Спокойно проходит по сцене, Джильи — с разинутым ртом, лев спрыгивает в оркестровую яму, разбегаются музыканты, швейцарские фашисты вскакивают с мест, кто-то хватается за пистолет. Все завертелось.

— Это превратилось в главную линию?

ИРАКЛИЙ, ДОКТОР

Самое время поговорить о грузинском кино

— Я не хозяин, все права у Михалкова. А я лишь один из авторов. Так что отдельно ничего не могу с ним делать. Да и не собираюсь. Просто жаль той прекрасной поры общего вдохновения. И героя жаль — особенно сегодня, когда буквально битва идет за героя, который мог бы вдохновить, примирить, гармонизировать этот распадающийся мир. На этом месте мог быть наш Грибоедов: дипломат, поэт, любовник, дуэлянт, политик.

— А Михалков без вас может заняться этим фильмом?

— Он и должен им заняться без меня! Но у него сейчас другие интересы. Он стоял перед выбором: сделать дорогой фильм «Грибоедов» или столь же дорогой «Сибирский цирюльник». Ты знаешь, что он предпочел.

— В отличие от Никиты Михалкова эпопея, «полотно» — не очень-то ваше амплуа?

— Безусловно, нет. Но опыт «Грибоедова» оказался очень полезным. Англичане тут разродились идеей сделать четыре фильма о четырех русских императрицах. Мне предложили первый — о Екатерине, жене Петра. Полгода я изучал материалы, пока чуть не умер от тоски, и выбросил все исторические тома, забившие до потолка мой дом. И сочинил кое-что сам. Благо в истории нашей (вашей) Кати много темных мест и белых пятен. У каждого своя версия, непонятно даже, кто она была по происхождению. Я позволил себе реверанс в сторону режиссера Агнешки Холанд и сделал императрицу полячкой. Агнешка прислала восторженное письмо. А проект со временем разросся, сейчас на него дают деньги уже пять стран: Англия,

воздух пропитан этими парами. Вот такая история.

Ну сию. Ничего у меня не двигается. Потому что я ничего про это не знаю! Не хочу я очередных Ромео и Джульетт, хоть бы и на фоне расизма. И вдруг я вспомнил зоомузей на проспекте Руставели. Унылое здание, мало кто ходил. Но там были чудеса. Две звездные диковинки. Первая — скелет кита метров на 12. Выбросился когда-то на батумский пляж. А вторая — тигр. Этот однажды посетил Тбилиси. Из Индии, через Афганистан и Персию, шальной бродяга, дошел до Грузии.

— Как Грибоедов...

— Абсолютно верно! Маршрутом Грибоедова! Допер и неделю там жил. Днем скрывался в камышах на маленьком озере — спал. А ночью спускался в город и шастал по улицам. Снарядили команду охотников ДОСААФ. Один из них был мой дед. Стрелок, отличный спортсмен. Выслежили зверя. Тигр почему-то захотел на другую сторону Куры, а мостов еще было мало, и он вспрыгнул на паром. Паромщик обалдел: он и тигр — вдвоем на пароме, прямо для Пиромани сюжет. Тигр откусил этому паромщику ползадницы...

Если б я врал, я сказал бы, что тигра убил дед. Но его пристрелил кто-то из команды. А потом они все вместе сфотографировались с убитым тигром. И среди них мой дедушка. Из туши сделали чучело, поместили за стекло в музей, а сбоку — эта фотография. Тщеславный дед водил меня туда каждые выходные. А тигр был козырным экспонатом, самым страшным и красивым. Все случайные посетители собирались возле этой стеклянной стены. И у меня была отретпирована роль. Я

— Нет, конечно, главной осталась история любви. Но для меня очень важно, чтобы марионетки ожили. Мой швейцарец сказал: я хотел хижину, а ты мне выстроил целый замок. Фильм уже в запуске, для начала съездили в Африку...

— Значит, любые архетипы можно реализовать на любом материале?

— Да. Я не рассказываю кутаисские истории. Я их переделаю. Германия, конечно, не Италия, которая вроде бы так славно монтируется с Грузией. Но и эта довольно скучная Германия, оказывается, может легко совпасть с твоим миром в каких-то неожиданных параметрах. Надо только найти эти сближения.

— Немцы на это соглашались?

— Они не знают об этом! Вот «Хор Фрица-Августа» — история, которая выиграла конкурс на лучший сценарий немецкого кино 2001 года. В маленьком немецком городке — большая хоровая традиция. Хор школьный, железнодорожный, хор пивоваров, милитерский и так далее. Весной хоры соревнуются в городском театре. Фриц-Август — директор школы. У него две страсти: бильярд и хоровое пение. Бильярд он любит настолько, что каждое утро, приходя в школу на пять минут, бежит через улицу в Дом офицеров играть. Дом офицеров — это так называлось у нас, в Германии как-то по-другому. Но история-то происходила в Батуми, слово в слово.

Итак. Бильярдная, шесть столов, постоянные партнеры. Тайны из этого он не делает, он уже заслуженный учитель СССР, ничего ему

Ираклий Квирикадзе с невесткой Юдит

Ираклий КВИРИКАДЗЕ, сценарист и режиссер, заслуженный деятель искусств

Родился в 1939 году в Тбилиси. Окончил факультет журналистики Тбилисского университета в 1964 году, в 1968-м — режиссерский факультет ВГИКа (мастерская Григория Чухрая).

На ТО «Телефильм» (Тбилиси) снял документальные фильмы «Решающий шаг», «В горах Памира», «Заздравная». Автор и соавтор сценариев к своим фильмам, а также к фильмам «Робинзонада, или Мой английский дедушка» (1987), «Ссадина» (1988, Приз МКФ в Оберхаузене), «Чудовище или кто-то другой» (1988), «Дон Жуан с розовыми щеками» (1989, приз за лучший сценарий во Франции), «Смерть Вильяма Шекспира» (1993), «Лимита» (1994), «1001 рецепт влюбленного кулинара» (1996, премия «Ника», премия фестиваля «Киношок»), «Лунный папа» (1998), «27 потерянных поцелуев» (2000) и другие.

Художественные фильмы:

1971 — «Кувшин» (дипломная работа)
1976 — «Городок Анара»
1981 — «Пловец»
1984 — «Возвращение Олимпеса»
1991 — «Путешествие товарища Сталина в Африку»

моя склейка, он очень смеялся. С тех пор я не вылезал из монтажной, и мне кажется, эту профессию я знаю в совершенстве. Со всеми ее секретами.

Монтажом можно спасать все недостатки. Если есть какая-то влудость, я знаю, как ее спружинить, высечь энергию. От разных склеек рождаются разные фильмы. Если я назову свой послужной монтажный список, там будут очень знаменитые советские фильмы. Раньше я делал это по дружбе: «Старик, я так устал, давай глянь со стороны». Иногда режиссеры даже забирали меня в монтажную, чтобы не раскрылась тайна моего участия. А потом жизнь изменилась, стали за все платить. Мне не стыдно об этом говорить: продюсеры часто зовут меня как монта-

Новая газ. — 2002 — 25 сент. — с. 28, 29.

не страшно. Огромный, толстый дядя в панаме. Все школьные дела носят к нему через улицу, и на этом бильярдном столе он подписывает все бумаги. Когда я провинился, учительница схватила меня за ухо, перевела через улицу, и он там, в бильярдной, разбирался со мной. «Квирикадзе, сколько тебе?» Я говорю: «Четыре». «Нет, четыре мало. Восемь». Я — ой, не надо. Ладно, пять. И — пять шелабанов, искры из глаз! Безумно его все любили. Он мечтал, чтобы мы выиграли эту мировую олимпиаду. Награда — серебряная, между прочим, «Ника»! 16 кило металла.

А с директором произошло вот что. Наклонился он раз над своим зеленым сукном — и вдруг замер. Инсульт. Его положили тут же на стол, доктор пришел — сказал, двигать нельзя. Четыре дня лежал на этом бильярдном столе с кием в кулаке. Даже руку разжать не могли. А на носу олимпиада. Первое, что он сделал, едва только приоткрыл глаз, сказал: «Хор ко мне». И мы все, 60 человек, ввалились в эту бильярдную, стоим вокруг стола буквой П. И он провел последнюю репетицию. Мы сыграли этот конкурс.

— А он умер?

— Да, в кино он умер. Но такова драматургия. На самом-то деле все кончилось благополучно. Почему эта ис-

дыра. И грек Магрес Федорович скоро дознался. И в течение года он каждую субботу приходил утром на мясокомбинат, с наслаждением брал нож и входил в холодильный шкаф. Еще не было голода. Много мяса было. Магрес Федорович был невысокий, в большой зеленой шляпе. Он влезал туда, в тушу, прямо с этой шляпой, чтобы собственноручно вырезать себе филейный кусок.

Откуда взялся мой сюрреализм? В «Лунном папе» падает кабан, помнишь? Это продолжается монтаж. Я беру разные правды и монтирую их. Иногда я туло ничего не могу писать днями, пока не наткнулся на микроскопическую, мною прожитую правду. И как только я найду ее у себя на чердаке — поехали. Я не выдумщик. То есть я выдумщик. Но другой. Надо пописать в барабан, чтобы потом разыграть это в миф. Этот барабан запросило можно послать в Швейцарию или Германию. Там не было пионерских организаций, но были бойскауты, был гиллерюгенд. История с барабаном вполне могла произойти в фашистской школе. Детская шалость и наглость обретают черты детского протеста.

— Как вы жили, когда после «Пловца» вам запретили снимать? В сущности, выптали из кино?

— Я не хочу этих жалостливых фраз, тем более что все это казалось мне как-то очень смешно. Ведь забавно же,

дот — главный двигатель, который мне знаком, — я относил Олжасу Сулейменову. А имена и фамилии брал из справочника кинематографистов.

Вообще я очень люблю манипулировать с фамилиями, имя всегда имеет свой аромат и вкус. Даже и в западных проектах. И этот справочник я вожу с собой всюду — как талисман. И если я хорошие имя и фамилию возьму для героя, он для меня живой. Не успокоюсь, пока не найду такого звучания, которое зарядит героя энергией. И вот Олжас Сулейменов говорит мне: ты жил в Казахстане. Нельзя так точно знать жизнь казахов. Зачем ты делаешь из этого тайну?

Например, я описывал национальную борьбу. «Козлодраны» называется. В Грузии у нас есть похожее — лело. Две команды на скаку вырывают друг у друга тушу козла. Вся драма разворачивается вокруг этой козлодрани. С войны вернулся отец («Возвращение Ольмеса»), о котором дед рассказывал двум мальчикам как о трехметровом богатыре и герое. А он на самом деле заморыш. И вот он должен доказать сыновьям, что он герой на самом деле. Это реальная история из моего детства, и я запросто перенес ее на казахскую землю. Олжас изумился: откуда ты так все это знаешь? Это же мое детство! И он таки заставил меня соврать: на одной пресс-конференции я заявил,

хватая книги — но не могу их читать. Они на казахском языке! И я схожу с ума. А русские книги только на верхней полке: классики марксизма-ленинизма, Брежнев, Энгельс, Ленин, Маркс, Маркс...

— ...Маркс?!

— Точно! Это чистая правда! Какой-то закупщик на базе перепутал. Понимаешь, как это гениально? Плачу от наслаждения. «Сто лет одиночества», «Полковнику никто не пишет...». Какое счастье.

Вот это — фундамент, на котором я строю свои истории. Конечно, я прекрасно созная разницу культур и все такое. И все равно — всегда есть возможность пропустить все одной ниткой. Весь мир.

— Но европейцем вы не стали?

— Не стал. И американцем не стал. Я жил в Лос-Анджелесе, у самой кромки океана. Весь мегаполис за моей спиной. Жил с моим эфиопским внуком. Тоже сумасшествие: у меня внук эфиоп.

— Невестка?

— Да, мой сын женился на африканской девушке, как тот мальчик из Базеля.

— Черный?

— Потрясающий черненький эфиоп, чудо мое, мой Пушкин. Мы с эфиопом на берегу океана — вот вся моя Америка. Я сажаю его на плечи, и мы блуждаем по туманам. А потом я блуждаю по Берлину,

«Пловец»

«Кувшин»

«Путешествие товарища Сталина в Африку» (рабочий момент)

«Городок Анара»

МОНТАЖА

Алла БОССАРТ,
обозреватель «Новой газеты»

тория так пришлось по душе немцам? Потому что в Германии обожают хоровое пение. Это страна хоров. И батумская история вросла в немецкую землю как родная.

— И все-таки разница уж очень велика. Шедринские «мальчик в штанах и мальчик без штанов» символизируют два мира, которые никогда не пересекутся, никогда не найдут ничего общего, «никогда у вас не будет ни улицы, ни праздника». И каждый из них историчен, и каждый несет отличную от другого правду.

— Меня не интересует государственное устройство. Отар Иоселиани и в Африке оставался грузином. Мой опыт говорит: мальчик есть мальчик. Пожарник есть пожарник. Тигр в городе есть тигр в городе, даже если это лев. Вот абсолютно грузинская история. Она произошла в городке Хашури, откуда родом моя мама. Кончилась война. Мой папа был директором мясокомбината. И директор моей школы грек Магрес Федорович приходил к папе на мясокомбинат и брал мясо за то, что я в пионерской комнате написал в барабан.

А написал я в барабан, потому что была зима и мы играли в баскетбол, а городок Хашури — это такая грузинская Сибирь, зимой по-настоящему холодно, а сортир во дворе, и была проблема: одеваться или продолжать играть. Я забежал в эту пионерскую комнату и увидел в уголке рванный барабан. Ну я святыню осквернил и ушел играть уверенный, что дальше барабана дело не пойдет. Но там и внизу была

когда объявляют, что тебе предлагается быть режиссером. Когда надо мной сломали, так сказать, шпагу и отлучили от камер, я стал писать.

— Но и до этого вы писали себе сценарии сами? И «Пловец», и «Городок Анара», и «Кувшин».

— «Кувшин» — это Резо Габриадзе. Но даже и не он. Это история Луиджи Пиранделло. Все наоборот: итальянскую историю мы поселили на грузинскую землю. Я поехал тогда в Кахетию. Я хорошо знал левантский мир: жил в Кутаиси и в Батуми. Кахетия — другое. Аскетичный, суровый быт, полупустыня. Я попал на сбор винограда. Когда крестьянин в Кахетии пожимает тебе руку, его ладонь прилипает к твоей — она пропитана соком. Вот это и есть кино. Потом я ночью вышел из дому и слышу гул. Это вино бродит в кувшине. И тогда я понял, как сделать эту итальянскую историю грузинской. А после «Пловца» стал писать для Средней Азии, надо же кормить семью.

— А что, в Средней Азии не было советской власти?

— Там был Олжас Сулейменов, человек хороший и влиятельный. Он меня прикрывал.

— Также грузинские истории на азиатской почве?

— Вот, собственно, там и началось. Почему я сейчас так нагло переодевая своих кутаисских персонажей в европейские пиджаки? У меня был опыт. Я ведь ничего не знал про Среднюю Азию. И вот там я набрался смелости. Грузинский анек-

что провел детство в Казахстане, в ссылке. У меня была подруга, которую вот так сослали.

— Опять монтаж?

— Конечно. Мне нужен хребет, на который я могу опереться. Потом улетаю куда угодно. Вот так у Маркеса все держится на реальной земной основе.

— Такой мир, как мир Маркеса, может существовать в иной географии, не в Латинской Америке?

— Не знаю. Это вопрос опыта. Но ничей опыт не универсален. Если бы я снимал Маркеса, то снимал бы аскетично. Потому что он не фантазер, он строгий реалист. Рассказать тебе историю про Маркеса?

— Вы с ним знакомы?

— Вот слушай. В Казахстане снимают «Возвращение Ольмеса». Вдруг телеграмма: срочно вылетай. Изумительная натура, самая глубинка, место называется Кара-Ой (Черная Дыра). У режиссера душевная травма, не справляется совсем. И вместо трех дней я остаюсь на два месяца в пустыне снимать фильм. Пастуший мир без всяких признаков цивилизации. Такой Маккондо. Самое дикое, что в каждой землянке (домов нет) стоит телевизор. Но нет и никогда не будет электричества. И не знаю, что такое газета. И воды нету. Привозят откуда-то цистерну раз в четыре дня. За четыре дня она зеленела. Водка, «Солнцедар», песок и телевизоры, которые не работают, и больше ничего. Как мне хотелось читать! И вдруг я наткнулся однажды на какую-то подсобку, написано «Библиотека». Я обалдел.

Ну, конечно, амбарный замок. Заглядываю: три полки, полные книг. Библиотекарь, он же пастух, ушел на пастбище, вернется осенью. И вот однажды — чудо, дверь открыта! Врываюсь в эту пещеру Аладдина,

который тоже стал мне дорогим. Я вообще хамелеон. Мне очень нравится фраза Марка Аврелия: всюду, где можно жить, можно жить хорошо. Где есть кислород, понимаешь?

— Вы погружаетесь туда?

— Как ротозей. Как зевака. Я не знаю языка. И не меняюсь сам абсолютно.

— Не хотите понимать эту жизнь глубоко?

— Честно говоря, нет. Вот полгода я писал про Базель, в котором не был ни разу в жизни. Но никогда не писал ничего, что бы отрывало меня от меня.

— Вы — как улитка, у которой все с собой? И поэтому у вас нет никаких специальных настроений, никакой ностальгии, никакой этой фишты нет, и вы живете в мире, как жили бы у себя в Кутаиси или на проспекте Руставели? Это ваш Маккондо, ваша Йокнапатофа? И ваша тайна?

— Абсолютно. Моя реальная жизнь — эта, в этих странах. Здесь моя реальность. Мой друг меня укоряет: ты все время путешествуешь. А я не путешествую. Я живу на одном и том же месте, просто меняются виды из окна. Океан. Эйфелева башня прямо под окнами, будто выстроенная специально для пейзажа. Я прикован к письменному столу и путешествую в своих бумажных мирах. И все они, собственно, один мир. Сообщающиеся сосуды. Это и есть моя тайна.

— И эту тайну вы охотно выдаете, потому что ею никто не может воспользоваться.

— Иногда я высказываю из них, но мне совершенно все равно куда. Основное — это мой бумажный мир и, конечно, моя любимая жена Нана Джорджадзе, мои дети и внуки. Остальное — декорация.

● Фото из семейного архива Ираклия КВИРИКАДЗЕ

P.S. Мы все-таки поговорили с Ираклием Квирикадзе — через 13 часовых поясов. О работе, о кино, о том о сем. «Грузинские дела? Мне трудно судить, я слишком далеко. Но Грузия с пиками на Россию — какая-то дикая нелепость, полный абсурд. Впрочем, читайте Грибоедова»